

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 164–210
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 1 (2022): 164–210

Научная статья

УДК 930.85

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-4>

Самоидентификация женщин конца XIX – начала XX в.: анализ эго-документов

Ирина Владимировна Синова,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет,
Санкт-Петербург, Россия,
s-irina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9109-2980>

Irina V. Sinova,
Saint Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russia,
s-irina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9109-2980>

Аннотация. В статье рассмотрены нарративы как исторический источник и уникальная форма информации не только о личности автора, но и об особом индивидуальном взгляде на события, факты, людей и их поступки. Проведенное исследование демонстрирует, что герои жизнеописаний превращают себя и все, что их окружает, не столько в объект собственно повествования, сколько анализа, оценивая и проверяя происходящее на соответствие собственным идеалам. При этом самоидентификация авторов женских эго-документов является специфической формой отношения личности к самой себе, что находит отражение в приводимых оценках бытия и характеристиках социальной реальности. Мемуары являются репрезентативными источниками, с помощью которых можно воспроизвести самоидентификацию авторов, т.е. установить тождество личности человека с какой-либо социальной общностью по совокупности признаков путем их сравнительного исследования. На конкретных примерах показано, что самоидентификация личности в нарративах в значительной степени отображает особенности развития общества в целом и его проблемы. Сравнительный анализ воспоминаний М.П. Бок, М.Ф. Кшесинской, М.И. Ключевой, А.П. Остроумовой-Лебедевой, М.К. Тенишевой – позволил рассмотреть вопросы самоидентификации по гендерному признаку, социальному положению, уровню материального достатка, по профессиональной и общественной деятельности, отношению к социальной реальности, в том числе к русско-японской войне 1904–1905 гг., российской

© Синова И.В., 2022

© Sinova I., 2022

революции 1905–1907 гг. Проанализированные мемуары свидетельствуют о том, что выявленные приоритеты в повествовании о событиях из собственной жизни являются в значительной степени отражением гендерной принадлежности авторов, а также демонстрируют постепенное расширение сферы деятельности женщин и восприятие этой тенденции обществом. Авторы воспоминаний предстают как самостоятельные, состоявшиеся личности, самоидентификация которых имеет как общие, так и особенные черты, зависящие в том числе от менталитета, жизненных приоритетов и определяющие способ достижения целей.

Ключевые слова: самоидентификация, самооценка, женские эго-документы, гендер, мемуары, нарративные источники, социальная реальность, профессиональная и общественная деятельность

Для цитирования: Синова И.В. Самоидентификация женщин конца XIX – начала XX в.: анализ эго-документов // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 164–210, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-4>

Self-identification of women in the late 19th – early 20th centuries: an analysis of ego-documents

Abstract. The article examines narratives as a historical source and a unique form of information not only about the personality of the author but also about their special individual view on events, facts, people, and their actions. The study demonstrates that by means of assessing and evaluating the events described for compliance with their own ideals, the heroes of biographies transform themselves and their surroundings not so much into an object of narrative proper as into an object of analysis. At the same time, self-identification of the authors of women's ego-documents is a specific form of attitude towards self, which is reflected in the assessments of everyday life and the characteristics of social reality. Memoirs are a representative source, with the help of which it is possible to retrace self-identification of the authors, i.e. to establish the identity of a person with any social community according to a set of features by means of their comparative study. On the basis of concrete examples, it is shown that self-identification of an individual in narratives largely reflects the features of the development of society as a whole and its problems. Comparative analysis of the memoirs of M. Bock, M. Kschessinska, M. Klyucheva, A. Ostroumova-Lebedeva, and M. Tenisheva, made it possible to consider the issues of self-identification based on gender, social status, level of material wealth, professional and social activities, and the attitude to social reality, including the Russo-Japanese War of 1904–05 and the Russian Revolution of 1905–07. The memoirs under analysis indicate that the priorities identified in the narration of the events of the memoirists' lives are largely a reflection of their gender identity and also demonstrate a gradual expansion of the scope of women's activities and the perception of this trend by society. The memoirists appear as independent, mature personalities, whose self-identification has common and specific features. The latter, among other things, being dependent on mentality and life priorities, determine the means to achieve the goals.

Keywords: self-identification, self-esteem, women's ego documents, gender, memoirs, narrative sources, social reality, professional and social activities

For citation: Sinova, I.V. "Self-identification of women in the late 19th – early 20th centuries: an analysis of ego-documents". *Historia provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 1 (2022): 164–210, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-4>

Введение

В мемуарах как в историческом источнике и форме литературного творчества самоидентификация проявляется как специфическая форма отношения личности к себе, включающая также оценочные и сравнительные характеристики бытия и социальной реальности. Авторы мемуаров превращают себя и свою жизнь не столько в объект повествования, сколько анализа, оценки и соответствия собственному идеалу. Французский философ Ж. Гюсдорф считает, что «автобиография появляется там и тогда, где и когда возникает самосознание личности, ощущение ею ценности собственной индивидуальности и личного опыта»¹.

Гендерные стереотипы в процессе самоидентификации, нашедшие свое отражение в женских эго-документах, являются объектом исследования представителей разных областей знания – историков, филологов, философов, психологов, социологов и др.² Историк Н.Л. Пушкарева, сопоставив теоретические результаты российских и зарубежных исследований автобиографий, показала их практическую ценность для гендерных исследований³, придя к выводу, что

женские автобиографии – путь к созданию “банка данных”, “архива женской истории”, обогащению знаний о социально-историческом контексте жизни женщин в разные исторические эпохи⁴.

Ученые-филологи, исследуя тексты мемуаров через призму гендера, акцентируют свое внимание не столько на документальных фактах, сколько на его литературных особенностях⁵. Ряд специалистов сосредоточили свое

¹ *Gusdorf G. Conditions and limits of autobiography // Autobiography: essays theoretical and critical / ed. by J. Olney. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1980. P. 29.*

² *Гасанова И.М. О самоидентификации личности и некоторых языковых способах ее изображения // Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы межвузовской научной конференции (28–29 апреля). Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. С. 25–26; Железнева Р.Г. Влияние гендерных стереотипов на процесс самоидентификации современной женщины // Социология и жизнь. 2009. № 1. С. 93–97; и др.*

³ *Пушкарева Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62–70; Пушкарева Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 214–245.*

⁴ *Пушкарева Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога. С. 226.*

⁵ *Минец Д.В. Гендерная концептосфера как объект дискурсивного исследования (на материале женских автодокументов) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 1, № 3 (31). С. 52–55; Руднева И.С. Гендерный аспект портретной*

внимание на вопросах поиска личностью собственной идентичности в женской мемуарной прозе⁶.

Для целостного понимания теоретических и практических основ исследования эго-документов, в том числе с позиций гендера, крайне важными являются фундаментальные труды зарубежных ученых⁷. Р. Миллер, М. Росс, Д. Холмберг, Т. Трабассо посвятили свои работы анализу отражения социального контекста событий через призму процессов самопознания и социализации⁸.

Самоидентификация личности в эго-документах в значительной степени является зеркальным отражением особенностей развития общества в целом, а также его проблем. Как бы ни была женщина аполитична, асоциальна, как бы она не пыталась сосредоточиться на своих личных проблемах, на своем внутреннем «эго», уделяя в своих воспоминаниях основное внимание частной жизни, совсем от социальной реальности уйти не удастся, и порой непроизвольно ее оценка все же проявляется в тексте. В нарративах женщин конца XIX – начала XX в. авторы идентифицируют себя, свою жизнь и своих близких через призму индивидуальных приоритетов, ценностей, эмоций, вкусов и увлечений. Это позволяет составить психологический портрет женщины-автора, основанный на ее оценках окружающей действительности,

характеристики в русской мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 227–236; и др.

⁶ Бурмистрова С.В. Специфика репрезентации авторского Я в женской мемуарной прозе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11 (113). С. 119–123; Самофалова Е.А. Самоидентификация личности женщины в воспоминаниях Софьи Андреевны Толстой // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). С. 94–99; Татаркина С.В. (Бурмистрова С.В.) Специфика саморепрезентации автора в «Воспоминаниях» А.О. Смирновой-Россет // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2007. № 8 (71). С. 23–28; и др.

⁷ Barsalou L.W. The content and organization of autobiographical memories // Remembering reconsidered / ed. by U. Neisser and E. Winograd. New York; Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1988. P. 193–243; GUSDORF G. Conditions and Limits of Autobiography. P. 28–48; и др.

⁸ Miller P. Narrative practices: their role in socialization and self-construction // The remembering self: construction and accuracy in the life narrative / ed. by U. Neisser and R. Fivush. New York; Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1994. P. 158–179; Ross M., Holmberg D. Recounting the past: gender differences in the recall of events in the history of a close relationship // Self-inference processes: The Ontario Symposium / ed. J.M. Olsen and M.P. Zanna. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1990. Vol. 6. P. 135–152; Trabasso T. Whose memory is it? The Social context of remembering // Memory for everyday and emotional events / ed. by N.L. Stein. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 429–445; и др.

людей и их поступков, ее интересах, общественной и профессиональной деятельности, ментальности и гендерных особенностях.

Основная часть

Российская действительность конца XIX – начала XX в. нашла отражение в многочисленных женских эго-документах. Их содержание во многом зависит от рода занятий, сословной принадлежности, общественной позиции авторов. Преимущественно они повествуют о выдающихся членах своей семьи – отцах, мужьях, других родственниках. Это относится к мемуарам М.А. Бекетовой, М.П. Бок, А.Г. Достоевской, В.П. Калицкой, Т.Л. Сухотиной-Толстой и др.⁹ В этих случаях авторы идентифицировали себя с личностями, играющими второстепенную роль по отношению к своим известным, незаурядным родственникам. При этом женщины-авторы порой даже не стремились показать собственную индивидуальность. Их повествование посвящалось человеку, которого они любили, уважали, которым они гордились и потому стремились запечатлеть все сюжеты, связанные с его жизнью, нередко идеализируя его поступки и давая субъективную оценку его действиям. При подобном подходе можно говорить скорее об отсутствии самоидентификации авторов эго-документов, либо об их в целом заниженной самооценке.

В конце XIX в. только немногие женщины получили профессиональное образование, были независимы как в материальном отношении, так и в своих действиях и поступках, предпринимали попытки для самовыражения, являлись самостоятельными и самодостаточными личностями, поэтому они довольно редко уделяли внимание описанию собственной жизни, чувствам, индивидуальному мнению, считая, вероятно, это не столь важным и интересным. Вместе с тем есть целый ряд успешных женщин, получивших признание в профессиональной и общественной деятельности, которые оставили воспоминания о своей жизни. Среди них М.Ф. Кшесинская, А.П. Остроумова-Лебедева, М.К. Тенишева и др.¹⁰ Их мемуары позволяют

⁹ Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке / составители В.П. Енишерлов, С.С. Лесневский. Москва: Правда, 1990; Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Москва: Современник, 1992; Достоевская А.Г. Воспоминания / Вступительная статья, подготовка текста, примечания С.В. Белова и В.А. Тунимановой. Москва: Правда, 1987; Калицкая В.П. Моя жизнь с Александром Грином: воспоминания, письма / составители Л. Варламова, Н. Ялова, Д. Лосев. Феодосия; Москва: Коктебель, 2010; Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания / составитель, вступительная статья, примечания А.И. Шифмана. Москва: Художественная литература, 1980; и др.

¹⁰ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания / перевод с французского Л. Папилиной. Смоленск: Русич, 1998; Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки / составитель Н.Л. Приймак. Москва: Изобразительное искусство, 1974; Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Москва: Искусство, 1991; и др.

рассмотреть и сравнить самоидентификацию авторов, учитывая не только их гендерную принадлежность, но и место, которое они занимали в обществе с точки зрения социальной стратификации и, как следствие, их отношение к социальной реальности и событиям в стране.

Изменения в общественно-политической жизни российского государства в конце XIX в. повлияли и на трансформацию социального локуса женщин, и, как следствие, на их самоидентификацию. Все чаще они стали проявлять свою гражданскую активность, в результате чего в женских жизнеописаниях с нарастающей частотой стала появляться самостоятельная, а порой и независимая личность. Нарративы стали все чаще демонстрировать вовлеченность женщин в профессию и общественную деятельность, отражать индивидуальный взгляд на социум и самоидентификацию женщин-авторов, исходящую не только из демографических характеристик, но и из степени их участия в общественно-политической жизни.

И.Е. Репин. Портрет М.К. Тенишевой. 1896 г.

Балерина М.Ф. Кшесинская, художница А.П. Остроумова-Лебедева, просветительница и меценат М.К. Тенишева являются самодостаточными

женщинами, состоявшимися в профессиональной или общественной деятельности, поэтому их самоидентификация в качестве авторов воспоминаний носит социальный характер, несмотря на то, что их жизнь не была связана с радикальными революционными и политическими действиями. Основываясь именно на подобных мемуарах, пусть и созданных позднее, мы попытались выделить общие и особенные черты самоидентификации женщин конца XIX – начала XX в.

Матильда Феликсовна Кшесинская (1872–1971) записывала свои воспоминания уже в эмиграции, начав рассказ с семейных преданий, уходящих корнями в XVIII в., и закончив его событиями 1959 года, будучи к окончанию работы над мемуарами уже в возрасте около восьмидесяти лет. Ее воспоминания впервые были опубликованы на французском языке в Париже в 1960 г., на русский язык они были переведены только в 1992 г.

Другой автор – Анна Петровна Остроумова-Лебедева (1871–1955) излагает в «Записках» не только основные факты из своей биографии с раннего возраста, но и дает панораму художественной жизни страны на рубеже XIX–XX вв. Она начала свой труд в 1930 г. и завершила последний, третий том в 1951 г.

Мария Клавдиевна Тенишева (1863–1928) посвятила свое повествование разным периодам жизни, начав с детских лет и завершив 1916 годом. Ее мемуары сохранила подруга Е.К. Святополк-Четвертинская, а опубликовало их в 1933 г. Русское историко-генеалогическое общество во Франции. В России они впервые были изданы в 1991 г.

Мария Ивановна Ключева (1868–1869(?)–1959(?)), будучи представительницей сословия, которое принято называть низшим, училась, а потом работала в швейной мастерской, преподавала на курсах кройки и шитья, и ее самоидентификация безусловно связана с трудовой деятельностью как с условием своего материального обеспечения¹¹. Ее мемуары были найдены и опубликованы в 1997 г., спустя почти сорок лет после смерти автора. Социальное положение Ключевой нашло отражение в проведении досуга, развлечениях, быте, питании, при этом ее эмоции и оценки окружающей действительности контрастируют с теми, которые приводятся в воспоминаниях Кшесинской, Тенишевой, Остроумовой-Лебедевой.

Пожалуй, несколько особняком в этом ряду стоят мемуары Марии Петровны Бок (1885–1985), старшей дочери П.А. Столыпина. Воспоминания посвящены отцу, и автор идентифицирует себя с ним, а также со своей семьей,

¹¹ Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910 // Невский архив: Историко-краеведческий сборник / составители В.В. Антонов, А.В. Кобак. Санкт-Петербург: Atheneum; Феникс, 1997. Вып. 3. С. 64–232.

ее интересами, даже не пытаясь представить собственную индивидуальность, независимое мнение и оценки. Мемуары были написаны уже в эмиграции, хронологически начинаются с детских лирических историй Марии и заканчиваются смертью отца в 1911 г. Впервые они были опубликованы в Нью-Йорке в 1953 г. на русском языке, а в России изданы только в 1992 г.

Самоидентификацию по гендерному признаку можно рассматривать как базовую для эго-документов женщин конца XIX – начало XX в., которая во многом влияла на другие критерии, связанные с сословной принадлежностью, уровнем материального достатка, профессиональной и общественной деятельностью, политической социализацией.

Художница А.П. Остроумова была одним из самобытных членов группы «Мир искусства», но при этом испытывала определенное стеснение среди окружавших ее талантливых коллег-мужчин, которые покровительствовали ей. Согласно «Автобиографическим запискам» ее самооценка и самоидентификация были связаны с

чрезвычайной застенчивостью, происходившей вероятно, от большого самолюбия и от сознания своей необразованности в сравнении со всеми членами «Мира искусства», я чувствовала себя среди них стесненной, и, несмотря на то, что была приблизительно их возраста, мне казалось, что я перед ними ничтожная, маленькая девочка¹².

И это не критическое отношение к себе, а скорее нивелирование собственного профессионального таланта и трудолюбия своей, в первую очередь, гендерной идентичностью.

¹² Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. С. 219.

А.П. Остроумова-Лебедева. 1897 г.

Источник: Отдел рукописей – Российская национальная библиотека.
Ф. 1015. Д. 1180. Л. 10.

Мемуары Матильды Кшесинской – это пример жизнеописания, где автор позиционирует себя, прежде всего, как успешную, счастливую, любящую и любимую женщину, несмотря на все интриги, с которыми была сопряжена ее жизнь, что не стало причиной ее озлобления или поводом для снижения самооценки. Все описанные сюжеты, связанные с ее профессиональной деятельностью в разные периоды ее карьеры, свидетельствуют о том, что она считала себя талантливой балериной:

я выступала в Москве в обычных спектаклях и пользовалась огромным успехом. Мне дарили много букетов, а как-то раз даже принесли серебряную корзину с цветами¹³; бенефис прошел великолепно, и публика устроила мне бурную овацию¹⁴; исполняла при этом множество пируэтов и пользовалась огромным успехом¹⁵; в театре я имела все, что хотела. Мне по-прежнему сопутствовал успех, а зрители на моих выступлениях устраивали овацию¹⁶; мне хотелось быть полностью свободной и танцевать только то, что мне нравится¹⁷; мне сопутствовал огромный успех и даже пришлось дважды повторить свой номер на “бис”, что считалось здесь выдающимся событием...¹⁸; адажио в сцене с лебедями было великолепным и вызвало овацию, а сольная партия под аккомпанемент принесла мне настоящий триумф, о котором я мечтала и на который рассчитывала, желая покорить лондонскую публику и укрепить свою репутацию. Зал неистово рукоплескал, и я была счастлива¹⁹

и т.д. В этих и подобных фразах нет ни слова не только об ошибках и неудачах, которые неминуемы в любом деле, но даже упоминания о сомнениях в том, что она может что-то сделать, не вызвав всеобщего восторга. И в этом отличие мемуаров Кшесинской от воспоминаний и Остроумовой-Лебедевой, и Тенишевой, которые, будучи так же творческими натурами, тем не менее сомневались в своих поступках и не идентифицировали себя с бесконечным успехом всегда и во всем.

¹³ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 82.

¹⁴ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 109.

¹⁵ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 126.

¹⁶ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 139.

¹⁷ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 145.

¹⁸ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 168.

¹⁹ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 203.

М. Кшесинская в своем особняке. 1916 г. Фотограф К. Булла

Чувства собственной значимости и успешности Кшесинской опирались не только на исполнительский талант балерины, сильный характер и установку на «успех», но и подкреплялись поддержкой со стороны членов императорской семьи, в том числе самого Николая II. Она не упускала возможности обращаться к своим высоким покровителям в случае любого, даже кажущегося, ущемления со стороны руководства театра. Балерина приводит многочисленные факты того, что для нее ни в чем не было преград в достижении поставленных целей. Например, она упоминает о конфликте с С.П. Дягилевым, который предложил ей

второстепенную роль в балете “Павильон Армиды”, в котором я не могла продемонстрировать всех своих возможностей и рассчитывать на признание парижской публики²⁰.

В результате конфликта она вообще отказалась выступать. В другой раз, во Франции Кшесинская

²⁰ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 166.

решила любой ценой вставить в балет “Корриган”, в котором снова должна была выступать, свою сольную партию, чтобы добиться желаемого успеха и навсегда закрепить свою репутацию на парижской сцене²¹.

М. Кшесинская была высокого мнения не только о своем профессионализме. Вот как она оценивала свои ораторские способности:

По возвращении в Петербург меня ожидал торжественный обед, который устраивали в мою честь поклонники. Я приготовила речь и очень нервничала, так как не имела звучного голоса, необходимого для публичных выступлений. Кроме того, я провела бессонную ночь. Однако речь удалась, и я осталась довольна собой²².

Подобная идентификация, связанная с высокой самооценкой в профессии, успехом и восхищением окружающих, касалась не только творческой и профессиональной деятельности Кшесинской, но и ее повседневной жизни. Не без гордости балерина пишет о том, что она « всю свою жизнь любила строить »²³ и в превосходной степени каждый раз рассказывает про свой дом: « Больше всего я гордилась той частью, которую отвели для прислуги »²⁴; « предметом моей особой гордости стала шикарно обставленная кухня »²⁵; « у меня, конечно, был погреб с прекрасными винами »²⁶; « во дворике за домом находилась прачечная, сарай для экипажа и гараж для автомобиля, а также хлев для коровы, которую перевезли с дачи в город, чтобы сын всегда мог пить свежее молоко »²⁷. Не без гордости Кшесинская пишет, как одна коллега перенимала ее опыт повседневной жизни: « присматривалась, как я живу, как принимаю, все запоминала и всему научилась у меня в доме »²⁸.

²¹ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 167.

²² Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 143.

²³ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 170.

²⁴ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 153.

²⁵ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 153.

²⁶ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 155.

²⁷ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 155.

²⁸ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 175.

Интерьеры дворца М. Кшесинской. Арх. А.И. Гоген. 1904–1906 гг.

Гостиная во дворце М. Кшесинской, вдалеке – зимний сад. 1912 г.

Ученики, учителя и служащие школы в Талашкино, созданной на деньги М.К. Тенишевой.

Источник: *Тенишева М.К.* Впечатления моей жизни. Москва: Искусство, 1991.

Некоторые авторы высказывают в мемуарах свое отношение к материальному достатку, и в этом вопросе для них характерны скорее различия. Так, например, М.К. Тенишева писала:

Я хотела бы быть очень богатой, для того, чтобы создать что-нибудь для пользы человечества. Мне кажется, я дала бы свои средства на крупное дело по образованию народа, создала бы что-нибудь полезное, прочное...²⁹.

Таким образом, она идентифицирует свои материальные желания с интересами общества.

У Кшесинской никогда не было недостатка в деньгах, поэтому она упоминает о них лишь в контексте скорее обиды за то, что ее усилия, направленные на повышение жалования балерин, не были оценены коллегами по достоинству:

мне удалось добиться повышения жалования балерин с 5000 рублей до 8000 рублей в год, что по тем временам было значительной суммой. Для меня

²⁹ *Тенишева М.К.* Впечатления моей жизни. С. 52

жалование не имело большого значения, и я заботилась о коллегах, для которых такое повышение было серьезным подспорьем. Однако ни одна из них мне не сказала даже “спасибо”³⁰.

Балерина идентифицировала себя только с богатством, восторгами и благодарностью, которые, по ее мнению, должны были вызывать все ее поступки.

Для Кшесинской редкие поездки за покупкой продуктов являлись скорее неким развлечением, чем необходимостью, при этом вопрос цены вообще не стоял:

мы отправились в мясную лавку. В мясе мы совершенно не разбирались, но, в конце концов, нашли-таки самый красивый, по нашему мнению, кусок и поехали домой³¹.

В это же время для другого автора воспоминаний, М.И. Ключевой, труд в мастерской являлся не одной из возможностей для самореализации, а обеспечивал «хлебом насущным». Поэтому для нее характерна прежде всего самоидентификация по профессиональному признаку и уровню материального благосостояния. В ее мемуарах приводятся сюжеты, связанные с описанием продуктов питания и отношения к ним, напрямую зависящие от уровня ее достатка. Например, автор приводит одно из воспоминаний детства: «навстречу попался нам, с большой корзиной за плечами, булочник со свежими булками – приятный запах булок мне вскружил голову...»³². Более позднее воспоминание, которое по времени связано уже с работой в мастерской, описывает продукты питания следующим образом:

доехав до Сенной площади, я почувствовала аромат кислой капусты, соленой трески, селедок и острый запах лошадиного навоза... На Сенную хозяйки ходили с охотой, там в торговых рядах, во-первых, все есть и всегда на копейку – на две все дешевле³³.

Другой сюжет связан с тем, как

хозяйка покупала на Сенной сразу по пять мешков картофеля по 50 копеек за трехпудовый мешок, это нам хватало на два месяца. Картофель мы брали от

³⁰ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 140.

³¹ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 150.

³² Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910. С. 169.

³³ Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910. С. 203.

немецких колонистов из-под Колпино, их картофель был белый, рассыпчатый и вкусный³⁴.

Даже описывая новый вид транспорта – омнибус, Ключева, идентифицируя себя с представителями населения с невысоким уровнем доходов, указывает стоимость поездки, т.к. материальная сторона играла немаловажную роль для нее как для человека, который вынужден экономить и рассчитывать свой бюджет.

Политические проблемы и сюжеты, связанные с ними, не являются доминирующими ни в одном из рассматриваемых мемуаров, однако в разной степени они все-таки отразились в текстах, в силу того, что ряд событий, свидетелями которых стали авторы воспоминаний, не позволили им оставаться равнодушными. Прежде всего мемуаристки пишут о русско-японской войне 1904–1905 гг. и первой русской революции 1905–1907 гг.

М.К. Тенишеву взволновали события войны, и в воспоминаниях она признавалась:

занимаясь искусством, я всегда была страшно далека от политики, но за эти годы газеты поглотили все наше внимание и сделались первенствующим интересом в нашем доме. Мы жили от почты и до почты. Все живущие в Талашкине до слепоты зачитывались ими, тяжело переживая все наши неудачи и потери. Особенно поразило нас известие о гибели Макарова. Мы просто отказывались верить этому ужасу и оплакивали каждого из наших героев как близкого человека. В день, когда я узнала о сдаче Порт-Артура, что бы я ни делала, что бы ни говорила, слезы невольно текли из глаз, ничто не могло меня развлечь... Точно черная пелена затянула все кругом, и казалось, этому кошмару никогда не рассеяться³⁵.

Следствием этих переживаний и желания помочь стало устройство Тенишевой во время войны лазарета, где она «часто навещала раненых, играла с ними в дурачки, расспрашивала о войне, о семейных делах», а всем возвращающимся из лазарета в родные места княгиня давала денежную помощь³⁶. Мужчины, как правило, свой гражданский долг видели либо в непосредственном участии в военных действиях, либо в оказании финансовой помощи армии, а женщины старались проявить свою личную сопричастность прежде всего по отношению к раненым.

³⁴ Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910. С. 203.

³⁵ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. С. 209.

³⁶ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. С. 212.

Дом С.В. Малютина в Талашкино. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. в нем при участии М.К. Тенишевой был устроен лазарет для выздоравливающих воинов.
Источник: *Тенишева М.К.* Впечатления моей жизни. Москва: Искусство, 1991.

Совсем другие эмоции и впечатления вызвало начало военных действий у М. Кшесинской:

В конце января, перед самым моим бенефисом, началась война с Японией. Однако в первые дни ситуация еще была неясной, и подавленности пока не ощущалось. Четвертого февраля, как и было намечено, состоялся мой прощальный бенефис. Публика оказала мне самый сердечный прием³⁷.

Балерина упоминает начало русско-японской войны не с тревогой о судьбе страны и людях, а исключительно в контексте собственного бенефиса.

М.П. Бок, дочь П.А. Столыпина, хоть и воспитывалась в семье государственного деятеля, была далека от политики. Гораздо ближе ей были

³⁷ *Романова-Красинская М.* Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 142.

семейные ценности, повседневные заботы и чисто женские интересы и переживания. Идеализируя своего отца, она даже не пыталась осмыслить его действия, связанные с событиями в стране, а по большей части давала им сугубо эмоциональные оценки. Например, Мария Петровна так вспоминает обед-проводы отряда Красного Креста, отправляющегося на фронт: «собралось всё саратовское общество, мой отец встал и сказал речь. Что это была за речь!»³⁸ Здесь присутствует женская доминанта, акцент делается не на отряде, который отправляется на войну, и не на том, какая судьба его может ждать, а на речи ее отца, саратовского губернатора, которая произвела сильное впечатление:

Я вдруг почувствовала, что что-то капает мне на руку, и тогда лишь заметила, что я плачу: смотрю вокруг себя – у всех слезы на глазах. И чем дальше, чем вдохновеннее и страстнее становятся слова моего отца, тем больше разгораются лица и глаза слушателей, тем горячее льются слезы... Многие уже громко рыдают³⁹.

И главное, в соответствии с эмоциональной оценкой автора – это реакция публики на произнесенную речь:

Никогда еще мне не приходилось слышать такое единодушие, такое продолжительное ура, как то, которое покрыло речь отца и редко видишь столько людей, разных убеждений и характеров, соединенных таким общим, могучим подъемом⁴⁰.

Подобное впечатление от речи высказала и жена Столыпина: «Когда мы вечером возвращались домой, мамá в карете сказала моему отцу: – Как ты великолепно говорил!»⁴¹ В этом сюжете автор позиционирует себя прежде всего в качестве члена семьи своего известного отца.

³⁸ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. С. 129.

³⁹ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. С. 129.

⁴⁰ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. С. 130.

⁴¹ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. С. 130.

Старшая дочь П.А. Столыпина – Мария

Совсем другие оценки и реакцию высказывает на социальную реальность Ключева. 9 января 1905 г. она с подругой стали свидетелями шествия рабочих и даже влились в толпу и запели молитву, но после выстрелов были так напуганы увиденным, что их ноги подкашивались⁴². Если бы мужчина рассказывал о подобном событии, то, вероятнее всего, отразил бы свою роль в этом шествии, но ни в коем случае не испуг, даже если бы он и имел место. Все приводимые факты политических акций Ключева пересказывает как некие новости, которые вносят разнообразие в ее жизнь, не давая оценки, не показывая своего отношения к ним и не идентифицируя себя с их участниками. Только расправа с мирной демонстрацией 9 января вызвала у нее испуг и непонимание применения столь жестких мер. Вероятно, такая отдаленность от политики связана не только с отсутствием интереса и понимания сущности событий, но и с тем, что у Ключевой не было необходимости отстаивать свои социально-экономические и политические права, поскольку условия ее работы в швейной мастерской были достаточно комфортными, а отношение к работникам –

⁴² Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910. С. 226.

гуманным. Видимо, поэтому она не понимала сущности и не осознавала необходимости политической борьбы и социальных действий в защиту своих прав.

Кшесинская не идентифицировала себя с гражданами страны, которые проявляли патриотические чувства в период русско-японской войны, такую же позицию она заняла и в отношении начавшейся революции:

Девятого января 1905 года произошло выступление Гапона. В этот день был чей-то бенефис, и я была с родителями в ложе. Настроение было очень тревожное, и до окончания спектакля я поспешила отвезти моих родителей домой. В этот вечер Вера Трефилова устраивала у себя большой ужин, на который я была приглашена. Надо представить себе, как она была бы расстроена, если бы в последнюю минуту никто не приехал к ней. На улицах было беспокойно, повсюду ходили военные патрули, и ездить ночью было жутко, но я на ужин поехала и благополучно вернулась домой⁴³.

В этом воспоминании нет ни слова о жертвах расстрела, а речь идет лишь о том, что происходящее не помешало планам Кшесинской. И в этом проявилось не столько ее женское восприятие действительности, сколько идентификация себя скорее с обывателями, чем с участниками событий или с властью.

Остроумова-Лебедева о революции 1905–07 гг. писала: «почти каждый день приносил какой-нибудь ужас – то казни, то еврейские погромы»⁴⁴. И это отражалось на ее творчестве:

трудно было в эти годы работать и делать свое любимое дело, требовавшее равновесия, душевного спокойствия и ясности. Временами казалось, что моя работа, мое дело никому не нужны, не ко времени, не отвечают запросам сегодняшнего дня⁴⁵.

Но, идентифицируя себя с прогрессивной интеллигенцией, она не оставалась в стороне от происходящих событий и поддерживала демократические силы, участвуя в издании журналов «Жупел» и «Адская почта». Ее гравюра «Саркофаг» стала заставкой к стихотворению Гусева-Оренбургского «9 января». Нельзя не учитывать, что для нее живопись и графика были не только возможностью реализовать себя в творчестве и выразить свою гражданскую позицию, но и способом заработать на жизнь, а в

⁴³ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 146.

⁴⁴ Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. С. 323.

⁴⁵ Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. С. 323.

условиях революции и обострения социально-экономических проблем делать это было не просто.

А.П. Остроумова-Лебедева. Фотография 1897 г.
Источник: ОР РНБ. Ф. 1015. Д. 1180. Л. 8.

Для Тенишевой революция стала настоящим потрясением:

Неудачная война вызвала грозу над нашей страной. Принадлежа всецело искусству, никогда не занимаясь политикой, я всегда была далека от всех этих вопросов и не предвидела, что Россия вдруг очутилась на пороге крупных переворотов и страшной стихийной бури. Когда вспыхнула революция, я была застигнута врасплох и совершенно не подготовлена к этому тяжелому испытанию. Из окружающих меня одни были так же далеки от действительности, как и я, другие втайне, может быть, сочувствовали наступающим событиям и даже участвовали в революционном движении⁴⁶.

Марию Клавдиевну взволновала забастовка учеников школы в Талашкино, поэтому она заняла непримиримую и принципиальную позицию в связи с

⁴⁶ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. С. 220

распространением некоторыми учителями прокламаций и политической пропаганды в ученической среде.

Уважаю свободу личного мнения, но считаю преступным и недопустимым, чтобы учитель, перешагнув порог школы, занимался с учениками политикой, а не наукой...⁴⁷

Она отстаивала мнение, что «трогать умы детей, в особенности крестьянских детей, едва вышедших из состояния дикаря, это преступление из преступлений»⁴⁸. Идентифицируя себя с гражданами, заинтересованными судьбами своей страны и народа, Тенишева в период революционного брожения видела свой гражданский долг в возвращении детей в школу и ограничении политического влияния на них, руководствуясь при этом прежде всего интересами самих учеников.

М.К. Тенишева (сидит третья слева) с учителями и служащими школы в Талашкино.
1898–1899 гг.

Источник: *Тенишева М.К. Впечатления моей жизни*. Москва: Искусство, 1991.

М.П. Бок рассказывает о событиях, связанных с началом русской революции, без доли сочувствия к убитым:

...собралась перед Зимним дворцом толпа рабочих, во главе с священником Гапоном, предъявившая ряд крайних требований. Для разгона толпы войска

⁴⁷ *Тенишева М.К. Впечатления моей жизни*. С. 222.

⁴⁸ *Тенишева М.К. Впечатления моей жизни*. С. 222.

пустили в ход огнестрельное оружие. А через несколько недель в Москве был убит Московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович. Начинаясь новая эра – эра открытой борьбы против императорской фамилии. Наступило тяжелое время, когда мы узнали, что значит беспокоиться день и ночь о жизни папá⁴⁹.

Такая реакция автора, проявленная в период социальных потрясений, вновь свидетельствует о ее идентификации, связанной, прежде всего, с семейным кругом, а не с гражданским обществом.

О покушении на П.А. Столыпина в сентябре 1911 г. Кшесинская написала в мемуарах через призму жалости не к премьер-министру, а к Николаю II, размышляя о

фатальном невезении, преследовавшем моего бедного Ники. Удары обрушивались на него один за другим. Он рано потерял отца, а его свадьба состоялась в дни траура. Коронация была омрачена трагедией на Ходынском поле... И вот теперь он потерял лучшего из министров, который подавил революцию 1905 года⁵⁰.

Как и во всех воспоминаниях Кшесинской, в описании этого трагического события доминируют личные чувства и переживания автора.

Выводы

В проанализированных женских эго-документах прослеживается самоидентификация авторов, выразившаяся в установлении тождества их личности по совокупности признаков путем сравнительного исследования по различным критериям. Мемуары Кшесинской, Ключевой, Остроумовой-Лебедевой, Тенишевой свидетельствуют о том, что приоритеты в повествовании о событиях из собственной жизни являются не только отражением гендерной принадлежности авторов, но и демонстрируют постепенное расширение сферы деятельности женщин как в профессиональной, так и в общественной областях. Это проявляется в их самоидентификации в качестве самостоятельных и состоявшихся личностей, способных принимать независимые решения и совершать конструктивные действия и поступки. При этом каждая из женщин-авторов, исходя из собственных жизненных приоритетов, убеждений и уровня материального благосостояния, занимает индивидуальную позицию, выразившуюся в конкретных действиях в отношении социальной реальности. В противоположность другим авторам,

⁴⁹ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. С. 142.

⁵⁰ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 195–196.

самоидентификацию М.П. Бок можно охарактеризовать как пассивную, подчиненную авторитету отца, П.А. Столыпина.

Стратификационные критерии в виде гендерной принадлежности, профессиональной и общественной сферы деятельности, уровня материального достатка и политических взглядов, примененные к рассмотренным нарративам, позволяют определить самоидентификацию женщины-автора путем анализа ее разностороннего портрета, включающего взгляды, убеждения, увлечения и формы повседневной жизни.

Introduction

In memoirs as a historical source and a form of literary creativity, self-identification manifests itself as a specific form of a person's attitude to themselves, which also includes evaluative and comparative characteristics of life and social reality. Memoirists turn themselves and their lives into an object of analysis and evaluation for compliance with their own ideals rather than narration proper. French philosopher G. Gusdorf believed that autobiography appears there and then where there is self-awareness of the individual and a sense of the value of their own individuality and personal experience.¹

Gender stereotypes in the process of self-identification, which are reflected in women's ego-documents, are the object of research by the representatives of different fields of knowledge – historians, philologists, philosophers, psychologists, sociologists, etc.² Comparing theoretical results of Russian and foreign studies of autobiographies, historian N. Pushkareva showed their practical value for gender studies³ and came to the conclusion that

¹ G. Gusdorf, “Conditions and limits of autobiography,” in *Autobiography: essays theoretical and critical*, ed. J. Olney (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980), 29.

² I.M. Gasanova, “On self-identification of a person and some linguistic methods of its representation” [in Russian], in *Herzen Readings. Foreign languages: Materials of the interuniversity scientific conference (April 28–29, 2010)* (St Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena, 2010), 25–26; R.G. Zhelezneva, “Influence of gender stereotypes on the process of self-identification of a modern woman” [in Russian], *Sotsiologiya i zhizn'*, no. 1 (2009): 93–97; et al.

³ N.L. Pushkareva, “At the origins of women's autobiography in Russia” [in Russian], *Filologicheskie nauki*, no. 3 (2000): 62–70; N.L. Pushkareva, “The heuristic value of autobiographies for gender studies: comparing the theoretical results of Russian and foreign

women's autobiographies are a way to create a "databank," an "archive of women's history," and to enrich the knowledge about the socio-historical context of women's lives in different historical epochs.⁴

While examining the texts of memoirs through the prism of gender, philologists focus their attention on their literary features rather than documentary facts.⁵ A number of researchers focus their attention on the issues of an individual's search for their own identity in women's memoir prose.⁶

Fundamental works of foreign scholars⁷ are extremely important for a holistic understanding of the theoretical and practical foundations of the study of ego-documents, including gender perspective. R. Miller, M. Ross, D. Holmberg, and T. Trabasso devoted their works to the analysis of the reflection of the social context of events through the prism of the processes of self-discovery and socialization.⁸

studies" [in Russian], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, vol. 18, no. 2 (2019): 214–45.

⁴ Pushkareva, "The heuristic value of autobiographies for gender studies," 226.

⁵ D.V. Minets, "Conceptual framework of gender as an object of discourse research (based on women's ego-documents)" [in Russian], *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 1, no. 3 (31) (2011): 52–55; I.S. Rudneva, "The gender aspect of the portrait characteristic in the Russian memoirs and autobiographical literature of the second half of the 18th – first third of the 19th centuries" [in Russian], *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (2013): 227–36; et al.

⁶ S.V. Burmistrova, "Specific representation of female authors' "I" in memoir prose" [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 11 (113) (2011): 119–23; E.A. Samofalova, "Self-identification of a woman's personality in the memoirs of Sophia Andreevna Tolstaya" [in Russian], *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (30) (2014): 94–99; S.V. Tatarkina (S.V. Burmistrova), "The model of self-representation in 'The Memoirs' by A.O. Smirnova-Rosset" [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (Filologiya)*, no. 8 (71) (2007): 23–28; et al.

⁷ L.W. Barsalou, "The content and organization of autobiographical memories," in *Remembering reconsidered*, ed. U. Neisser and E. Winograd (New York; Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1988), 193–243; Gusdorf, "Conditions and limits of autobiography," 28–48; et al.

⁸ P.J. Miller, "Narrative practices: their role in socialization and self-construction," in *The remembering self: construction and accuracy in the life narrative*, ed. U. Neisser and R. Fivush (New York; Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1994), 158–79; M. Ross and D. Holmberg, "Recounting the past: gender differences in the recall of events in the history of a close relationship," in *Self-inference processes: The Ontario Symposium*, vol. 6, ed. J.M. Olsen and M.P. Zanna (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1990), 135–52; T. Trabasso, "Whose memory is it? The social context of remembering," in *Memory for everyday and emotional events*, ed. N.L. Stein (Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997), 429–45; et al.

To a large extent, self-identification of a person in ego-documents is a mirror reflection of the peculiarities of the development of society as a whole as well as its particular problems. No matter how apolitical and asocial a woman was, no matter how much she tried to focus on her personal problems, on her inner “ego”, paying most attention to her private life in her memories, it was impossible to avoid social reality completely, and sometimes its evaluation involuntarily revealed itself in the text. In the women’s narratives of the late 19th – early 20th centuries, the authors identify themselves, their lives, and their family and friends through the prism of individual priorities, values, emotions, tastes, and hobbies. This enables us to compile a psychological portrait of a female author, based on her assessment of the surrounding reality, people and their actions, her interests, social and professional activities, and her mentality and gender characteristics.

Main body

Russian reality of the late 19th – early 20th century was reflected in numerous women’s ego documents. Their contents largely depend on the occupation, estate status, and social position of the authors. Mostly, they tell about outstanding members of the family – fathers, husbands, or other relatives. This refers to the memoirs of M. Beketova, M. Bock, A. Dostoevskaya, V. Kalitskaya, T. Sukhotina-Tolstaya, and others.⁹ Their authors identified themselves as individuals who played a secondary role in relation to the famous outstanding members of their families. In doing so, female authors sometimes did not even try to show their own individuality. Their narrative was dedicated to a person they loved, respected, and were proud of, and therefore they sought to capture all the stories associated with his life, often idealizing his deeds and giving a subjective assessment of his actions. With such an approach, we can talk about the lack of self-identification of the authors of ego-documents or about their generally low self-esteem.

In the late 19th century, very few women received professional education, were independent financially and in their actions, made attempts of self-expression, and were independent, self-sufficient persons. Therefore they rarely paid attention to describing their own life, feelings, or individual opinions, probably, considering all that not very important or interesting. At the same time, there were a number of successful women, recognized in professional and social activities, who left

⁹ M.A. Beketova, *Reminiscences of Aleksandr Blok* [in Russian], comp. V.P. Enisherlov and S.S. Lesnevskii (Moscow: Pravda, 1990); M.P. Bock, *Reminiscences of my father Peter A. Stolypin* [in Russian] (Moscow: Sovremennik, 1992); A.G. Dostoevskaya, *Memoirs* [in Russian], introduction and notes by S.V. Belov and V.A. Tunimanova (Moscow: Pravda, 1987); V.P. Kalitskaya, *My life with Alexander Grin: memoirs, letters* [in Russian], comp. L. Varlamova, N. Yalova, and D. Losev (Feodosia; Moscow: Koktebel', 2010); T.L. Sukhotina-Tolstaya, *Memoirs* [in Russian], comp. A.I. Shifman (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1980); et al.

reminiscences of their lives. Among them were M. Kschessinska, A. Ostroumova-Lebedeva, M. Tenisheva, and some others.¹⁰ Their memoirs allow us to consider and to compare the authors' self-identification, taking into account not only their gender but also the place they occupied in society in terms of social stratification and, as a consequence, their attitude to social reality and events in the country.

Changes in the social and political life of the Russian state at the end of the 19th century influenced the transformation of the social locus of women and, as a result, their self-identification. Women began to engage into civic activity more often. As a result, women's life stories revealed self-sufficient and sometimes even independent personalities with increasing frequency. More and more often, narratives began to demonstrate the involvement of women in profession and social activities and to reflect the individual view on society and self-identification of female authors, stemming not only from their demographic characteristics but also from the degree of their involvement in socio-political life.

I.E. Repin. Portrait of M.K. Tenisheva. 1896

¹⁰ M. Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs* [in Russian], trans. L. Papilina (Smolensk: Rusich, 1998); A.P. Ostroumova-Lebedeva, *Autobiographical sketches* [in Russian], comp. N.L. Priimak (Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1974); M.K. Tenisheva, *Impressions of my life* [in Russian] (Leningrad: Iskusstvo, 1991); et al.

Ballerina M. Kschessinska, artist A. Ostroumova-Lebedeva, educator and philanthropist M. Tenisheva were self-sufficient women who established themselves in professional or social activities. That is why their self-identification as authors of memoirs is of social nature despite the fact that their lives were not associated with radical revolutionary or political actions. It is the memoirs of such type (although created some time later) that were the basis for our attempts to highlight general and specific features of women's self-identification in the late 19th – early 20th centuries.

Mathilde F. Kschessinska (1872–1971) wrote down her memoirs in emigration. She began her story from family legends dating back to the 18th century and ended it with the events of 1959, being about eighty years old when she finished the work on her memoirs. Her memoirs were first published in French in Paris in 1960 and were translated into Russian only in 1992.

Another author, Anna P. Ostroumova-Lebedeva (1871–1955), not only presented the main facts from her biography beginning with her early age in her *Autobiographical Sketches*, but she also gave a panorama of the country's artistic life at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. She started writing her memoirs in 1930 and completed the last, third, volume in 1951.

Maria K. Tenisheva (1863–1928) devoted her narrative to different periods of her life, starting with her childhood and ending with 1916. Her friend E. Svyatopolk-Chetvertinskaya preserved the memoirs, which were published in 1933 by the Russian Historical and Genealogical Society in France. They were first published in Russia in 1991.

Being a representative of the estate that is usually referred to as the lower class, Mariya I. Klyucheva (1868–1869(?) – 1959 (?)) studied and then worked in a sewing workshop and taught at dressmaking courses. Her self-identification was certainly connected with her working activity as a condition of her material security.¹¹ Her memoirs were found and published in 1997, nearly forty years after the death of their author. Social status of Klyucheva was reflected in her leisure activities, entertainment, life, and food, while her emotions and assessments of the surrounding reality contrast with those in the memoirs of Kschessinska, Tenisheva, and Ostroumova-Lebedeva.

Perhaps, the memoirs of Maria P. Bock (1885–1985), P.A. Stolypin's eldest daughter, stand apart in this group. The memories are dedicated to her father, and the author identified herself with him as well as with her family and their interests, without even trying to present her own individuality, independent opinion, and

¹¹ M.I. Klyucheva, "Pages from the life of St. Petersburg, 1880–1910" [in Russian], in *Nevsky archive: collection of history and local lore*, comp. V.V. Antonov and A.V. Kobak, is. 3 (St Petersburg: Atheneum-Feniks, 1997), 64–232.

assessments. The memoirs were written in emigration. Chronologically they begin with Maria's childhood lyrical stories and end with the death of her father in 1911. They were first published in New York in 1953 in Russian, and in Russia they were published only in 1992.

Gender self-identification can be considered as the basis for women's ego-documents of the second half of the late 19th – early 20th centuries. It greatly influenced other criteria related to class estate affiliation, level of material wealth, professional and social activities, and political socialization.

Artist A. Ostroumova was one of the distinctive members of the World of Art (Mir Iskusstva) group, but at the same time she experienced a certain embarrassment among the talented male colleagues who patronized her. According to her *Autobiographical Sketches*, her self-esteem and self-identification were associated with

extreme shyness, which probably stemmed from great pride and from the awareness of my ignorance in comparison with all the members of the World of Art; among them, I felt embarrassed and despite the fact that I was about their age, it seemed to me that in front of them I was an insignificant little girl.¹²

And it was not a critical attitude towards herself but the leveling of her own professional talent and industriousness with her (first of all) gender identification.

¹² Ostroumova-Lebedeva, *Autobiographical sketches*, 219.

A.P. Ostroumova-Lebedeva, 1897.

Source: F. 1015, d. 1180, l. 10. Otdel rukopisei [Manuscripts Department]. Rossiiskaya natsional'naya biblioteka [The National Library of Russia] (OR RNB). St Peersburg, Russia.

The memoirs of Mathilde Kschessinska make an example of a biography in which the author identified herself with a successful, happy, loving and loved woman in the first place, despite all the intrigues her life was associated with, which neither made her bitter nor became a reason for lowering her self-esteem. All the episodes she described that are connected with her professional activities at different periods of her career indicate that she believed herself to be a talented ballerina:

I performed in Moscow in ordinary performances and enjoyed great success. I was given many bouquets, and once they even brought a silver basket with flowers;¹³ the benefit performance was excellent, and the audience gave me a standing ovation;¹⁴ at the same time I performed many pirouettes and enjoyed great success;¹⁵ I had everything I wanted in the theatre. I was still successful, and the audience gave me standing ovations when I performed;¹⁶ I wanted to be completely free and to dance only what I liked;¹⁷ I was a huge success and even had to repeat my number twice as an encore, which was considered an outstanding event here. . . ;¹⁸ the adagio in the scene with the swans was magnificent and caused a standing ovation, and the solo part to the accompaniment brought me a real triumph, which I dreamed of and hoped for, wishing to conquer the London audience and strengthen my reputation. The audience applauded furiously and I was happy.¹⁹

And so on. The above and similar phrases do not contain a single word about mistakes and failures that are inevitable in any occupation. Moreover, there is no mention of doubts that she could do something without arousing general delight. And this is the difference between the memoirs of Kschessinska and the memories of Ostroumova-Lebedeva and Tenisheva, who doubted their actions and did not identify themselves with infinite success in everything at all times.

¹³ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 82.

¹⁴ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 109.

¹⁵ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 126.

¹⁶ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 139.

¹⁷ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 145.

¹⁸ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 168.

¹⁹ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 203.

M. Kschessinska in her mansion. 1916. Photograph by K. Bulla

Not only were the feelings of Kschessinska's own importance and success based on the ballerina's performing talent, strong character, and aim at success, but they were also reinforced by the support of the imperial family, including Nicholas II himself. She hardly missed a single opportunity to appeal to her high patrons if there was a slightest, even seeming, infringement on her on the part of the theatre's administration. The ballerina cited numerous facts showing that there were no obstacles for her in achieving her goals. For example, she mentioned a conflict with S. Diaghilev, who offered her

a secondary role in the ballet *Le Pavillon d'Armide*, in which I could not demonstrate all my abilities and claim the recognition of the Parisian public.²⁰

As a result of the conflict, she refused to perform at all. Another time, in France, Kschessinska

decided at any cost to insert my solo part into the ballet *Korrigan*, in which I had to perform again, in order to achieve the desired success and to consolidate my reputation on the Parisian stage forever.²¹

²⁰ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 166.

Her own professionalism was not the only thing of which M. Kschessinska had a high opinion. Here's how she assessed her speaking skills:

Upon my return to St Petersburg, a gala dinner awaited me, which was organized in my honor by my admirers. I prepared my speech and was very nervous because I did not have a sonorous voice needed for public speaking. Besides, I had had a sleepless night. However, the speech was successful, and I was pleased with myself.²²

Such identification, associated with high self-esteem in the profession, success, and admiration of others, concerned not only the creative and professional activities of Kschessinska but also her everyday life. Not without pride, the ballerina wrote that she “loved building all her life”²³ and described her house in the superlatives: “Most of all I was proud of the part that was allotted to the servants”;²⁴ “the luxuriously furnished kitchen became the subject of my special pride”;²⁵ “I certainly had a cellar with excellent wines”;²⁶ “in the courtyard behind the house there was a laundry room, a shed for the carriage, and a garage for a car as well as a shed for the cow that had been transported from the dacha to the city so that my son could always drink fresh milk.”²⁷ Not without pride, Kschessinska wrote how one colleague adopted her experience of everyday life: “She looked closely at how I live, how I entertain, remembered everything, and learned about everything in my house.”²⁸

Some authors expressed their attitude to material wealth in their memoirs, and in this matter they are quite different. For example, Maria K. Tennisheva wrote:

I would like to be very rich in order to create something for the benefit of humanity. It seems to me that I would give my funds for a major business of educating the people; I would create something useful, durable. . .²⁹

Thus, she identified her material desires with the interests of society.

²¹ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 167.

²² Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 143.

²³ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 170.

²⁴ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 153.

²⁵ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 153.

²⁶ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 155.

²⁷ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 155.

²⁸ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 175.

²⁹ Tennisheva, *Impressions of my life*, 52.

The interiors of M. Kschessinska's palace. Architect A. von Hohen. 1904–1906.

Drawing room in M. Kschessinska's palace with conservatory in the background. 1912.

Students, teachers, and employees of the school in Talashkino, funded by M. Tenisheva
Source: M.K. Tenisheva, *Impressions of my life* (Moscow: Iskusstvo, 1991).

Kschessinska never had a shortage of money, so she mentioned it only in the context of resentment at the fact that her efforts aimed at raising ballerinas' salaries were not appreciated by her colleagues:

I managed to achieve an increase in the salaries of ballerinas from 5 000 roubles to 8 000 roubles a year, which at that time was a significant amount. For me, salary did not matter much, and I took care of my colleagues, for whom such a raise was a great help. However, none of them even said “Thank you” to me.³⁰

The ballerina identified herself only with wealth, admiration, and gratitude, which, in her opinion, all her actions should inspire.

For Kschessinska, rare trips to buy food were rather a kind of entertainment than a necessity, and the question of price was not raised at all:

We went to the butcher's shop. We did not know much about meat, but in the end we found the most beautiful, in our opinion, piece and went home.³¹

At the same time, for another memoirist, M. Klyucheva, her work at the workshop provided “daily bread” rather than an opportunity for self-realization.

³⁰ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 140.

³¹ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 150.

Therefore, self-identification based on professional characteristics and level of material well-being is typical for her in the first place. Her memoirs contain stories related to the description of food products and attitudes towards them, which directly depended on the level of her wealth. For example, the author cited one of her childhood memories: “We met a baker with a large basket of fresh buns on his shoulders – the pleasant smell of buns made my head spin. . .”³² A later recollection, which is chronologically already connected with the work in the workshop, described the food as follows:

When I reached Sennaya Square, I smelled the aroma of sauerkraut, salted cod, herring, and the pungent smell of horse dung. . . . Housewives went to Sennaya gladly; one can find everything in the marketplace, and it is always a kopeck or two cheaper.³³

Another episode describes how

In Sennaya, the housekeeper used to buy five sacks of potatoes at once, 50 kopecks for a three-pood sack, which was enough for us for two months. We took potatoes from German colonists from Kolpino as their potatoes were white, crumbly, and tasty³⁴.

Even describing the omnibus, a new means of transport, Klyucheva mentioned the fare, since the material side was important for her as a person who was forced to save and calculate her budget, identifying herself with low-income representatives of the population.

Political problems and the stories associated with them are not dominant in any of the memoirs under consideration. However, they are still reflected in the texts to varying degrees due to the fact that a number of events the memoirists witnessed did not allow them to remain indifferent. In particular, they wrote about the Russo-Japanese War of 1904–05 and the First Russian Revolution of 1905–07.

M. Tenisheva was worried about the events of the war, and in her memoirs she confessed:

Being into art, I have always been terribly far from politics, but over the years the newspapers have absorbed all our attention and become the primary interest in our home. We lived from mail to mail. All Talashkino residents read the newspapers to blindness, getting very upset by all our failures and losses. We were especially

³² Klyucheva, “Pages from the life of St Petersburg,” 169.

³³ Klyucheva, “Pages from the life of St Petersburg,” 203.

³⁴ Klyucheva, “Pages from the life of St Petersburg,” 203.

struck by the news of Makarov's death. We simply refused to believe this horror and mourned each of our heroes as a close friend. On the day when I found out about the surrender of Port Arthur, no matter what I did, no matter what I said, tears involuntarily flowed from my eyes, nothing could entertain me. . . As if a black veil covered everything and it seemed that this nightmare would never dissipate.³⁵

As a result of these experiences and the desire to help, during the war years Tenisheva established a convalescent home, where she “often visited the wounded, played cards with them, asked about the war and their family affairs,” and gave monetary assistance to all those leaving for their homeland.³⁶ Men usually saw their civic duty either in direct participation in hostilities or in providing financial assistance to the army while women tried to show their personal involvement by taking care of the wounded.

House of S. Malyutin in Talashkino. During the Russo-Japanese War of 1904–05, a convalescent home for recovering soldiers was organized there with the assistance of M. Tenisheva.

Source: M.K. Tenisheva, *Impressions of my life* (Moscow: Iskusstvo, 1991).

³⁵ Tenisheva, *Impressions of my life*, 209.

³⁶ Tenisheva, *Impressions of my life*, 212.

The beginning of hostilities evoked completely different emotions and impressions in M. Kschessinska:

At the end of January, just before my benefit performance, the war with Japan began. However, during the first days of the war the situation was still unclear, and depression was not yet felt. On February 4, as scheduled, my farewell benefit performance took place. The audience gave me most cordial welcome.³⁷

The ballerina expressed no concern about the fate of the country and the people but mentioned the beginning of the Russo-Japanese War exclusively in the context of her own benefit performance.

Although M. Bock (P. Stolypin's daughter) was raised in the family of a statesman, she was far from politics. Family values, everyday concerns, and purely female interests and experiences were much closer to her. Idealizing her father, she did not try to comprehend his actions related to the events in the country but made purely emotional assessment of them. For example, she recalled the farewell dinner of the Red Cross detachment leaving for the front as follows: "The whole Saratov society gathered. My father got up and made a speech. What a speech it was!"³⁸ There is a female dominant here, and the emphasis is not on the detachment that was going to the front and on the fate awaiting them but on the speech of her father, which made a strong impression:

I suddenly felt that something was dripping onto my hand, and only then did I notice that I was crying. I looked around me – everyone had tears in their eyes. And further, the more inspired and passionate the words of my father became, the more the faces and eyes of the listeners flared up, the hotter the tears flew... Many were weeping out loud.³⁹

And most importantly, in accordance with the emotional assessment of the author, it was the response of the public to the speech delivered:

Never have I heard such unanimity, such prolonged cheers, as the one that covered my father's speech, and rare can you see so many people of different beliefs and characters, united by such a common, mighty uplift.⁴⁰

³⁷ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 142.

³⁸ Bock, *Reminiscences of my father P.A. Stolypin*, 129.

³⁹ Bock, *Reminiscences of my father P.A. Stolypin*, 129.

⁴⁰ Bock, *Reminiscences of my father P.A. Stolypin*, 130.

Stolypin's wife expressed a similar impression of the speech: "When we were returning home in the evening, *maman* said to my father in the carriage, "How beautifully you spoke!"⁴¹ In this storyline, the author identified herself primarily as a family member of her famous father.

P. Stolypin's eldest daughter Maria

Klyucheva expressed completely different assessments and reactions to the social reality. On January 9, 1905, she and her friend witnessed the procession of workers and even joined the crowd and sang a prayer, but after the shots they were so frightened by what they had seen that they became weak in the knees.⁴² If a man had been talking about such an event, he would have been most likely to describe his role in the procession rather than fright, even if he had felt frightened. Klyucheva retold all facts of political actions as some kind of news that added variety to her life, without giving any assessment or showing her attitude towards them, and did not identify herself with their participants. Only the reprisal against the peaceful

⁴¹ Bock, *Reminiscences of my father P.A. Stolypin*, 130.

⁴² Klyucheva, "Pages from the life of St Petersburg," 226.

demonstration on January 9 made her feel frightened; she could not understand why such harsh measures were taken. Probably, such remoteness from politics was connected not only with a lack of interest and understanding of the essence of events but also with the fact that Klyucheva did not need to defend her socio-economic and political rights, since the conditions of her work in the sewing workshop were quite comfortable and the attitude to workers was humane. Probably, because of this, she did not understand the essence and did not realize the need for political struggle and social action for her rights.

Kschessinska did not identify herself with the citizens of the country who showed patriotic feelings during the Russo-Japanese War, and she adopted the same stance on the revolution that had begun as well:

On January 9, 1905, Gapon's march took place. That day there was someone's benefit, and I was in the loge with my parents. The mood was very anxious, and before the end of the performance I hurried to take my parents home. That evening Vera Trefilova hosted a big dinner, to which I was invited. One could imagine how upset she would be if no one came to her at the last minute. The streets were restless, there were military patrols everywhere, and it was scary to travel at night, but I went to the dinner and returned home safely.⁴³

This recollection does not contain a single word about the victims of Bloody Sunday; its focus is the fact that what was happening did not interfere with Kschessinska's plans. And this revealed not so much her female perception of reality as the fact that she identified herself with the average people rather than with the participants in the events or the authorities.

Ostroumova-Lebedeva wrote about the Revolution of 1905–07 that “almost every day brought some horror – either executions, or Jewish pogroms.”⁴⁴ And this was reflected in her work:

During these years, it was difficult to work and do my favorite thing that required balance, peace of mind, and clarity. At times it seemed that my work, my cause, was wanted by no one, was out of time, and did not meet the needs of the day.⁴⁵

But identifying herself with the progressive intelligentsia, she did not stay away from the events and supported the democratic forces by participation in the publication of the magazines *Zhupel* [Bugbear] and *Adskaya pochta* [Hell's Mail]. Her engraving *Sarcophagus* became the headpiece for the poem “January 9” by

⁴³ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 146.

⁴⁴ Ostroumova-Lebedeva, *Autobiographical sketches*, 323.

⁴⁵ Ostroumova-Lebedeva, *Autobiographical sketches*, 323.

S. Gusev-Orenburgsky. It should be taken into account that for her, painting and graphics were not just an opportunity to express herself in her creative works and express her civic position but also a way to earn a living, and it was not easy in the conditions of the revolution and the aggravation of socio-economic problems.

A.P. Ostroumova-Lebedeva. Photo taken in 1897
Source: F. 1015, d. 1180, l. 8. OR RNB.

For Tenisheva, the revolution was a real shock:

The unsuccessful war caused a thunderstorm over our country. Belonging to art entirely and never engaging in politics, I have always been far from all these issues and have not foreseen that Russia would suddenly find itself on the verge of major upheavals and a terrible disastrous tempest. When the revolution broke out, I was caught unawares and was completely unprepared for this ordeal. Among the people around me, some were as far from reality as I was while others, probably, secretly sympathized with the upcoming events and even participated in the revolutionary movement.⁴⁶

⁴⁶ Tenisheva, *Impressions of my life*, 220.

Tenisheva was agitated by the strike of students of Talashkino school, so she took an irreconcilable and principled stance on the distribution of proclamations and political propaganda among the students by some teachers.

I respect freedom of personal opinion, but I consider it criminal and unacceptable that having crossed the threshold of a school, a teacher should engage students in politics rather than science...⁴⁷

She defended the opinion that “to trouble the minds of children, especially peasant children who had barely left the state of a savage, was the worst crime of all.”⁴⁸ Identifying herself with the citizens who were not indifferent to the fate of the country and its people, Tenisheva saw her civic duty during the period of the revolutionary turmoil in returning children to school and limiting political influence on them, being guided primarily by the interests of the students.

M.K. Tenisheva (sitting third from the left) with teachers and employees of Talashkino school.
1898–99

Source: M.K. Tenisheva, *Impressions of my life* (Moscow: Iskusstvo, 1991).

M. Bock described the events associated with the beginning of the Russian Revolution without any sympathy for those who were killed:

⁴⁷ Tenisheva, *Impressions of my life*, 222.

⁴⁸ Tenisheva, *Impressions of my life*, 222.

... a crowd of workers led by priest Gapon gathered in front of the Winter Palace; they were making a number of extreme demands. To disperse the crowd, the troops used firearms. A few weeks later, Moscow Governor-General Grand Duke Sergei Aleksandrovich was assassinated in Moscow. A new era began – the era of open struggle against the imperial family. It was a difficult time when we learned what it meant to worry about papa's life day and night.⁴⁹

This reaction of the author to the period of social upheavals once again testifies to her self-identification connected with the family circle rather than civil society.

In her memoirs, Kschessinska wrote about the assassination of P. Stolypin in September 1911 through the prism of pity for Nicholas II rather than the prime minister:

Fatal bad luck befell my poor Nicky. The blows fell on him one by one. He lost his father early, and his wedding took place during the days of mourning. The coronation was overshadowed by the Khodynka Tragedy... And now he has lost the best of his ministers who suppressed the 1905 Revolution.⁵⁰

In the same way as in all Kschessinska's memoirs, the author's personal feelings and experiences dominate in the description of this tragic event.

Conclusion

The women's ego-documents considered in the articles reveal the authors' self-identification that is expressed in establishing the identity of their personality according to a set of characteristics by comparative research on various criteria. The memoirs of Kschessinska, Klyucheva, Ostroumova-Lebedeva, and Tenisheva testify that the priorities in the narration of events from their own lives not only reflect the authors' gender identity but also demonstrate a gradual expansion of the scope of women's activities in professional and public spheres. It is manifested in their self-identification as independent and mature personalities, capable of making independent decisions and performing constructive actions and deeds. At the same time, based on their own life priorities, beliefs and level of material well-being, each of the female authors takes an individual position that is expressed in concrete actions in relation to social reality. In contrast to other authors, the self-identification of M. Bock can be described as passive, subordinate to the authority of her father P. Stolypin.

Stratification criteria in the form of gender, professional and social sphere of activity, level of material wealth, and political views, applied to the considered

⁴⁹ Bock, *Reminiscences of my father P.A. Stolypin*, 142.

⁵⁰ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 195–96.

narratives, make it possible to determine self-identification of a female author by analyzing her versatile portrait, including views, beliefs, hobbies, and forms of everyday life.

Список литературы

Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке / составители В.П. Енишерлов, С.С. Лесневский. Москва: Правда, 1990. 672 с.

Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Москва: Современник, 1992. 347 с.

Бурмистрова С.В. Специфика репрезентации авторского Я в женской мемуарной прозе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11 (113). С. 119–123.

Гасанова И.М. О самоидентификации личности и некоторых языковых способах ее изображения // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы межвузовской научной конференции (28–29 апреля 2010 г.). Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. С. 25–26.

Достоевская А.Г. Воспоминания / вступительная статья, подготовка текста, примечания С.В. Белова и В.А. Тунимановой. Москва: Правда, 1987. 544 с.

Железнева Р.Г. Влияние гендерных стереотипов на процесс самоидентификации современной женщины // Социология и жизнь. 2009. № 1. С. 93–97.

Калицкая В.П. Моя жизнь с Александром Грином: воспоминания, письма / составители Л. Варламова, Н. Ялова, Д. Лосев. Феодосия; Москва: Коктебель, 2010. 256 с.

Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910 // Невский архив: историко-краеведческий сборник / составители В.В. Антонов, А.В. Кобак. Санкт-Петербург: Atheneum-Феникс, 1997. Вып. 3. С. 64–232.

Минец Д.В. Гендерная концептосфера как объект дискурсивного исследования (на материале женских автодокументов) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 1, № 3 (31), С. 52–55.

Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки / составитель Н.Л. Приймак. Москва: Изобразительное искусство, 1974. 631 с.

Пушкарева Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62–70.

Пушкарева Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 214–245.

Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания / перевод с французского Л. Папилиной. Смоленск: Русич, 1998. 416 с.

Руднева И.С. Гендерный аспект портретной характеристики в русской мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 227–236.

Самофалова Е.А. Самоидентификация личности женщины в воспоминаниях Софьи Андреевны Толстой // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). С. 94–99.

Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания / составитель А.И. Шифман. Москва: Художественная литература, 1980. 525 с.

Татаркина С.В. (Бурмистрова С.В.) Специфика саморепрезентации автора в «Воспоминаниях» А.О. Смирновой-Россет // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2007. № 8 (71). С. 23–28.

Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Ленинград: Искусство, 1991. 288 с.

Barsalou L.W. The content and organization of autobiographical memories // *Remembering reconsidered* / edited by U. Neisser and E. Winograd. New York; Cambridge MA: Cambridge University Press, 1988. P. 193–243.

Gusdorf G. Conditions and limits of autobiography // *Autobiography: essays theoretical and critical* / edited by J. Olney. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980. P. 28–48.

Miller P.J. Narrative practices: their role in socialization and self-construction // *The remembering self: construction and accuracy in the life narrative* / edited by U. Neisser and R. Fivush. New York; Cambridge MA: Cambridge University Press, 1994. P. 158–179.

Ross M., Holmberg D. Recounting the past: Gender differences in the recall of events in the history of a close relationship // *Self-inference processes: The Ontario Symposium* / edited by J.M. Olson, M.P. Zanna. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1990. Vol. 6. P. 135–152.

Trabasso T. Whose memory is it? The social context of remembering // *Memory for everyday and emotional events* / edited by N.L. Stein. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 429–445.

References

Barsalou, L.W. “The content and organization of autobiographical memories.” In *Remembering reconsidered*, edited by U. Neisser and E. Winograd, 193–243. New York; Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1988.

Beketova, M.A. *Vospominaniya ob Aleksandre Bloke* [Reminiscences of Aleksandr Blok]. Compiled by V.P. Enisherlov and S.S. Lesnevskii. Moscow: Pravda, 1990. (In Russian)

Bock, M.P. *Vospominaniya o moem ottse P.A. Stolypine* [Reminiscences of my father P.A. Stolypin]. Moscow: Sovremennik, 1992. (In Russian)

Burmistrova, S.V. “Spetsifika reprezentatsii avtorskogo Ya v zhenskoi memuarnoi proze” [Specific representation of female authors’ “I” in memoir prose]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 11 (113) (2011): 119–23. (In Russian)

Dostoevskaya, A.G. *Vospominaniya* [Memoirs]. Introduction and notes by S.V. Belov and V.A. Tunimanova. Moscow: Pravda, 1987. (In Russian)

Gasanova, I.M. “O samoidentifikatsii lichnosti i nekotorykh yazykovykh sposobakh ee izobrazheniya” [On self-identification of a person and some linguistic methods of its representation]. In *Gertsenovskie chteniya. Inostrannye yazyki: Materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii (28–29 aprelya 2010 g.)* [Herzen Readings. Foreign languages: Materials of the interuniversity scientific conference (April 28–29, 2010)], 25–26. St Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena, 2010. (In Russian)

Gusdorf, G. “Conditions and limits of autobiography.” In *Autobiography: essays theoretical and critical*, edited by J. Olney, 28–48. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980.

Kalitskaya, V.P. *Moya zhizn' s Aleksandrom Grinom: vospominaniya, pis'ma* [My life with Alexander Grin: memoirs, letters]. Compiled by L. Varlamova, N. Yalova, and D. Losev. Feodosia; Moscow: Koktebel', 2010. (In Russian)

Klyucheva, M.I. “Stranitsy iz zhizni Sankt-Peterburga 1880–1910” [Pages from the life of St Petersburg, 1880–1910]. In *Nevskii arkhiv: istoriko-kraevedcheskii sbornik* [Nevsky archive: collection of history and local lore], compiled by V.V. Antonov and A.V. Kobak, is. 3, 64–232. St Petersburg: Atheneum-Feniks, 1997. (In Russian)

Miller, P.J. “Narrative practices: their role in socialization and self-construction.” In *The remembering self: construction and accuracy in the life narrative*, edited by U. Neisser and R. Fivush, 158–79. New York; Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1994.

Minets, D.V. “Gendernaya kontseptosfera kak ob"ekt diskursivnogo issledovaniya (na materiale zhenskikh avtodokumentov)” [Conceptual framework of gender as an object of discourse research (based on women’s ego-documents)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 1, no. 3 (2011): 52–55. (In Russian)

Ostroumova-Lebedeva, A.P. *Avtobiograficheskie zapiski* [Autobiographical sketches]. Compiled by N.L. Priimak. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1974. (In Russian)

Pushkareva, N.L. “Evristical'skaya tsennost' avtobiografii dlya genderologa: sopostavlyaya teoreticheskie itogi rossiiskikh i zarubezhnykh avtobiograficheskikh issledovaniy” [The heuristic value of autobiographies for gender studies: comparing the theoretical results of Russian and foreign studies]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, vol. 18, no. 2 (2019): 214–45. (In Russian)

Pushkareva, N.L. “U istokov zhenskoi avtobiografii v Rossii” [At the origins of women’s autobiography in Russia]. *Filologicheskie nauki*, no. 3 (2000): 62–70. (In Russian)

Romanova-Krasinskaya, M. *Matil'da Kshesinskaya: vospominaniya* [Mathilde Kschessinska: memoirs]. Translated from French by L. Papilina. Smolensk: Rusich, 1998. (In Russian)

Ross, M., and D. Holmberg. “Recounting the past: gender differences in the recall of events in the history of a close relationship.” In *Self-inference processes: The Ontario Symposium*, vol. 6, edited by J.M. Olsen and M.P. Zanna, 135–52. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1990.

Rudneva, I.S. “Gendernyi aspekt portretnoi kharakteristiki v russkoi memuarno-avtobiograficheskoi literature vtoroi poloviny XVIII – pervoi treti XIX vv.” [The gender aspect of the portrait characteristic in the Russian memoirs and autobiographical literature of the second half of the 18th – first third of the 19th centuries]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (2013): 227–36. (In Russian)

Samofalova, E.A. “Samoidentifikatsiya lichnosti zhenshchiny v vospominaniyakh Sof'i Andreevny Tolstoi” [Self-identification of a woman’s personality in the memoirs of Sophia Andreevna Tolstaya]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (30) (2014): 94–99. (In Russian)

Sukhotina-Tolstaya, T.L. *Vospominaniya* [Memoirs]. Compiled by A.I. Shifman. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1980. (In Russian)

Tatarkina, S.V. (Burmistrova S.V.) “Spetsifika samoreprezentatsii avtora v ‘Vospominaniyakh’ A.O. Smirnovoi-Rosset” [The model of self-representation in ‘The Memoirs’ by A.O. Smirnova-Rosset]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (Filologiya)*, no. 8 (71) (2007): 23–28. (In Russian)

Tenisheva, M.K. *Vpechatleniya moei zhizni* [Impressions of my life]. Leningrad: Iskusstvo, 1991. (In Russian)

Trabasso, T. “Whose memory is it? The social context of remembering.” In *Memory for everyday and emotional events*, edited by N.L. Stein, 429–45. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997.

Zhelezneva, R.G. “Vliyanie gendernykh stereotipov na protsess samoidentifikatsii sovremennoi zhenshchiny” [Influence of gender stereotypes on the process of self-identification of a modern woman]. *Sotsiologiya i zhizn'*, no. 1 (2009): 93–97. (In Russian)

Информация об авторе

Ирина Владимировна Синова – доктор исторических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-9109-2980>, vs-irina@yandex.ru, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (191023 Россия, Санкт-Петербург, Набережная канала Грибоедова, д. 30–32)

Information about the author

Irina V. Sinova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0001-9109-2980>, s-irina@yandex.ru, Saint Petersburg State University of Economics (30–32, Griboyedov channel embankment, St Petersburg, Russia, 191023)

Статья поступила в редакцию 27.08.2021; одобрена после рецензирования 14.09.2021; принята к публикации 29.09.2021.

The article was submitted 27.08.2021; approved after reviewing 14.09.2021; accepted for publication 29.09.2021.